МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

В.Л. Андрианов*

ФАКТОР КИТАЯ В ТРАНСФОРМАЦИИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Современный мир переживает период значительной интенсификации интеграционных процессов, развивающихся вширь и вглубь. Происходит распадение мира на соперничающие зоны преимущественно внутрирегиональной экономической интеграции. Это, в свою очередь, усиливает тенденцию формирования многополярности нового типа. Сегодня к таким зонам относятся: Европейский союз, НАФТА, зона «Большой китайской экономики» и, с известными оговорками, группа стран АСЕАН. Существенное влияние на характер экономических процессов в этих зонах оказывает широкий комплекс факторов, как собственно географических, так и политических и культурно-исторических. Цель статьи состоит в теоретическом осмыслении вопроса, на какой культурно-исторической, экономической, политической основе трансформируется роль и место Китая в Восточной Азии.

Ключевые слова: регионализация, интеграционные процессы, Восточная Азия, Китай, «Большой Китай», АТР, политика «открытости внешнему миру», юань, экономические сети.

Over the last decades the world has been witnessing a significant increase in the processes of integration which keep expanding and deepening. The global system has split into several rival zones of primarily internal economic integration. This circumstance has in turn accelerated the shaping of a new multipolarity. These zones include: the European Union, NAFTA (the North American Free Trade Zone), the Greater China economy, and, to some extent, the ASEAN group. The economic processes within these zones have been influenced by a wide range of variables — geographical, political, and cultural-historical. This article provides a theoretical explanation of the cultural-historical, economic, geographical, and political factors that promote the transformation of China's position and role in the East Asia.

Keywords: regionalization, integration processes, East Asia, China, Greater China, Asia Pacific, openness to the outside world, renminbi, economic networks.

* *Андрианов Виктор Львович* — к.и.н., доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vikand@yandex.ru).

По целому ряду причин, вызванных тенденциями глобализации, в последнее время люди начинают осознавать себя гражданами более широкого универсума, чем национальное государство. Эти универсумы часто совпадают с границами старых цивилизаций или исторических общностей Нового времени и тем самым служат подтверждением того, что границы старых империй не умирают с их политической смертью.

Сегодня историки и социологи все активнее обращаются к иным, отличным от национального государства, формам и моделям структуризации исторического процесса. Помимо переживающей бурный рост цивилизационной проблематики динамично развивается и историческая глобалистика (например, мир-системный анализ). Отмечая, что сегодняшний мир по многим своим характеристикам и тенденциям развития как бы возвращается в докапиталистическую эпоху, исследователи констатируют, что «с уходом в прошлое Современности (1789—1991) уходит и национальное государство. На первый план, как и в докапиталистическую эпоху, выходят макрорегионы» [12, с. 12].

Именно из макрорегиональных зон, иногда более или менее совпадавших с великими империями, а порой представлявших собой устойчивые вековые (или даже тысячелетние) зоны обмена, и состоял мир до XVIII в.

Для характеристики таких макрорегионов Ф. Бродель предложил термин «мир-экономика», которым обозначал «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [2, с. 14].

Только если в докапиталистические эпохи в основе регионов в качестве базовых единиц организации процессов обмена производства выступала натуральная, доиндустриальная система производительных сил, то в основе нынешней, позднекапиталистической и в перспективе — посткапиталистической макрорегионализации лежит научно-техническая, постиндустриальная система.

В последнее время появился ряд исследований, в которых доказывается, что европейцы не сформировали новый облик мира в процессе своей глобальной экспансии XVI—XVIII вв., а скорее присоединились к созданному задолго до этого миру Азии с ее гораздо более высоким уровнем экономического роста, торговли и цивилизации [14].

Такой взгляд, безусловно, не бесспорен. Но нельзя не признать тот факт, что три столетия (с 1500 и почти до 1800 г.) лишь благодаря американскому серебру европейцы имели хоть какой-то доступ к богатству и рынкам Азии, поскольку самим им было абсолютно нечего предложить в обмен на шелка, хлопок, керамику, пряности и другие товары.

Центром «Азиатского», а значит, и всего обитаемого, мира до начала XIX в., по мнению ряда исследователей, была китайская экономика, что объяснялось более высокой производительностью промышленности и сельского хозяйства, организацией транспорта (водного) и торговли. Экспортные товары, в свою очередь, способствовали превращению Поднебесной империи в конечный пункт, где оседали запасы мирового серебра. Благодаря потоку денег в Китае почти всегда было активное сальдо по экспорту.

Такое положение сохранялось вплоть до XIX в., когда вследствие мирового технологического прогресса и кризиса экономики стран Востока началась торговая экспансия Запада. Сама концепция Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) сформирована евроамериканским глобальным видением в условиях экономического подъема Европы и вызванной этим подъемом болезненной трансформации Азии. Видимо, неслучайно сейчас, когда Китай встал на ноги, адекватное понимание идеи АТР в научных кругах становится более чем спорным [1].

Похоже, что ныне новые индустриальные страны (НИС) Восточной Азии возвращают свою привычную доминирующую роль в мировой экономике и мировой истории, а «Срединное царство» Китай опять занимает место «центра», ломая все стереотипы восточноазиатской модели экономического развития.

11 ноября 2001 г. министры торговли 142 стран мира, входящих во Всемирную торговую организацию (ВТО), после 15-летних переговоров официально одобрили вступление в нее Китайской Народной Республики. КНР получила под «зонтиком» ВТО унифицированный и прозрачный доступ на рынки стран-участниц, без специфических дискриминации и барьеров, что прежде всего дало новые возможности для существенного укрепления экспортного сектора и экономики страны в средне- и долгосрочной перспективе.

Причем возможности эти воистину неограниченны, поскольку Китай открыл для себя сравнительные преимущества в поразительно широком диапазоне промышленных ниш, от неквалифицированной работы по сборке изделий до производства полупроводниковых плат.

Китай с его гигантской экономической массой играет сегодня в мировой экономике примерно такую же роль, какую США играли 100 лет назад, а Соединенные Штаты — роль тогдашней Великобритании, окруженной роем подданных и сателлитов, но теряющей конкурентоспособность. Совпадение прослеживается даже в мелочах. США тогда импортировали в крупных размерах производственный по назначению капитал, КНР в настоящее время тоже его импортирует; США сидели за тарифным барьером, и Китай сегодня, конечно же, активно регулирует свою внешнюю торговлю.

В контексте интересующей нас темы отметим, что ныне КНР, так же как и США на рубеже XIX—XX вв. (а еще раньше Великобритания), реализует геополитическую стратегию «открытых дверей», правда, в корне отличную от своих океанических предшественниц. Напомним, что концепция «открытых дверей», сочетаемая с «пограничным тезисом» Ф. Тернера, являла и в определенной степени являет сущность геополитической теории США, требующей постоянного расширения Соединенных Штатов для поддержания экономического благосостояния [11, с. 294].

Заметим, что проведение КНР политики «открытости внешнему миру» является по сути полным отражением ситуации второй половины XIX — начала XX в., когда Великобритания посредством опиумных войн «открывала» Китай по линии «Гонконг—Шанхай—внутренние районы страны». Заметим, что КНР тоже начала реформы с укрепления тесных связей с Гонконгом и по сути обыграла ситуацию столетней давности, правда, придав ей иной характер.

Для понимания логики выстраивания Китаем в рамках стратегии «открытых дверей» геополитического пространства обратим внимание на хорошо известный факт: в отличие от западной (морской, экстравертной), китайская цивилизация традиционно развивается изнутри, поглощая все приходящее. Причем эта интровертность проявляется во всем, начиная с мировоззренческих построений и культуротворчества и кончая жизненной стратегией и психологией индивида. Даже китайские диаспоры, как можно заметить, всегда интровертны по своей сущности.

Поэтому, опять же, с определенной степенью допущения можно предположить, что реализация реформ, таких как объединение Родины и привлечение инвестиций, была лишь базой для осуществления проекта более глубокого — замыкания всей Восточной Азии на Китае, по крайней мере, экономически.

Во всяком случае, такое предположение согласуется с концепцией «пространственной эволюции открытости», которой придерживаются китайские теоретики и практики. Согласно ей, «как в геометрии точки сливаются в линию, линии развертываются в плоскость, плоскости объединяются в трехмерный образ», так формирование архитектоники открытости внешнему миру в Китае проходит в следующей последовательности. Точечные образования — зоны свободного экономического развития — «соединяются в приморские линии открытости, те, в свою очередь, за счет прилегающих территорий развертываются в относительно обширные полосы открытости, которые затем, объединяясь и наслаиваясь, образуют единое объемное образование типа геометрической фигуры, называемое китайскими исследователями архитектоникой открытости» [5, с. 36].

Территориальная политика периода реформ, проводимых с конца 1970-х гг., предполагала перенесение экономического центра тяжести с востока на запад страны. Эффекты от сотрудничества с иностранным капиталом должны были все глубже проникать во «внутренние ткани» экономики по следующей цепочке: специальные экономические зоны; открытые приморские зоны (созданы в 1985 г. в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, в Южной Фуцзяни, а в 1988 г. — на полуостровах Ляодун и Шаньдун); районы без специального инвестиционного режима.

В 1990-е гг. наблюдалась дальнейшая эволюция южнокитайского пояса, его расширение, захватывавшее в свою орбиту все новые районы, в том числе такую «цитадель социалистической индустрии», как Шанхай. Активное привлечение иностранного капитала в долину Янцзы было провозглашено стратегической линией 1990-х гг. На этот регион в настоящее время приходится 40% валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, а также производственных основных фондов.

Не лишним будет отметить, что Гонконг расположен в устье реки Чжуцзян — главной речной артерии Южного Китая, являющейся воротами в провинцию Гуандун, традиционный экономический центр Китая.

Шанхай, в свою очередь, лежит в устье реки Янцзы, имеющей общую протяженность 5520 км и протекающей через 9 провинций. В силу особенностей географических условий дельта реки Янцзы имеет по крайней мере два преимущества: 1) близость к экономическому и культурному центру древнекитайского севера; 2) относительно развитая транспортная сеть, облегчающая установление экономических связей с внутренними территориями континентального Китая.

В связи с этим, если оценивать значимость Шанхая как рынка, можно утверждать, что он является основными воротами в Китай. Его экономическое влияние быстро распространяется на весь бассейн Янцзы и внутренние территории страны. Вот почему Шанхай постепенно становится крупнейшим в Китае и даже в АТР экономическим, финансовым и торговым центром. Соответственно, полагает китайский социолог Фэй Сяотун, в «условиях формирования нового мирового порядка у Китая в складывающейся ситуации возникают новые возможности, используя которые он сможет восстановить свое прежнее историческое положение и встать в ряды современных передовых стран мира» [13, с. 15].

Одновременно политика открытости подразумевает создание региональных интернациональных экономических районов, в которые входили бы, с одной стороны, приграничные провинции Китая, а с другой — приграничные районы сопредельных госу-

дарств. Характерно, что сделки в таких экономических районах не ограничиваются только сферой обслуживания, но охватывают также обрабатывающие и сельскохозяйственные секторы на локальном, провинциальном и общенациональном уровнях по обе стороны границы. Вокруг Китая сформировалось шесть таких зон. Первая зона с центром в Тяньцзине обращена в сторону Бохайского залива и двух корейских государств, вторая с центром в Шанхае ориентирована на Японию, объектом третьей зоны с центром в Гуанчжоу является Юго-Восточная Азия, четвертой с центром в Куньмине — Южная Азия. Еще два региональных экономических района создаются с приграничными районами СНГ. Один с центром в г. Харбине должен включить провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, северо-западную часть провинции Ляонин, восточные районы Внутренней Монголии и все Забайкалье и Приморье, граничащие с КНР. Во второй с центром в Урумчи должны войти пять провинций Северо-Западного Китая и республики Средней Азии.

Таким образом, со всей очевидностью проявляется традиционная геополитика Китая, и в случае стратегии «открытых дверей» мы имеем дело с тем, что отдельные ученые характеризуют как реализацию страной своего геополитического кода.

Вместе с тем финансовый кризис и условия вступления КНР в ВТО не только подтвердили правильность выбранного Пекином курса на самообеспечение, но и стимулировали дальнейшее углубление последнего. Давая общую характеристику экономической стратегии КНР после 1997 г., лауреат Нобелевской премии Л.Р. Клейн отмечал: «Экономическая политика Китая теперь сосредоточена на развитии внутреннего рынка, тогда как в течение довольно длительного периода упор делался на освоении зарубежных технологий, иностранных инвестиций и в некоторой степени на рост, стимулируемый экспортом» [5, с. 34].

Дело в том, что львиная доля (более 80%) инвестиций в Китай приходилась на «заморских китайцев», и резерв этот, похоже, после 1998 г. был исчерпан. Подписание Пекином соглашения об условиях вступления в ВТО, согласно которому он обязался значительно либерализовать режим доступа иностранцев на свои рынки, означало лишь одно: правительство КНР, отчаянно изыскивавшее средства на проведение масштабной реструктуризации экономики, рассчитывало именно на интерес соседей к капиталовложениям в китайские компании. Для таких ожиданий есть все основания. Экономика Китая на данный момент остается достаточно изолированной от влияния глобального замедления темпов экономического роста — только лишь 20% ее зависит от внешней торговли, что значительно меньше, чем практически у всех остальных «успешных» экономик Азии. Огромный внутренний рынок Китая потен-

циально очень притягателен для любого производителя, а поскольку разница в уровне доходов в стране огромна и прослойка бедных слоев населения достаточно широка, повышение уровня жизни в Китае еще не один год будет означать прямо пропорциональное повышение спроса на товары потребления.

Интересно в этой связи отметить, что региональное азиатское сотрудничество в валютной сфере проходит более высокими темпами, чем в сфере торговли, в то время как в рамках других региональных механизмов, например Европейского союза, все происходило наоборот: сначала был создан таможенный союз и только потом проведена валютная интеграция. Вместе с тем в Восточной Азии понимают, что в дальнейшем неизбежен переход стран региона на использование в расчетах более стабильного денежного эквивалента. Раньше для этого использовали доллар, но уже очевиден претендент, готовый предложить Азии свою валюту. Это Китай (и связанные с ним китайские территории — Гонконг и Тайвань), сохранивший стабильность в обстановке всеобщего хаоса в регионе в 1997—1998 гг. и во время недавнего финансового кризиса.

После того как азиатские страны девальвировали свои валюты, китайский экспорт стал менее конкурентоспособным. Для Пекина было бы логично повторить ход соседей. Однако, несмотря на существенное сокращение доходов от экспорта, Китай не стал девальвировать юань. Отдельные эксперты объясняют это тем, что «китайцы учли опыт США по превращению доллара в мировую резервную валюту, осознали связанные с этим преимущества и намерены превратить юань в региональную резервную валюту Юго-Восточной Азии, завершая тем самым процесс переориентации стран этого региона с США на Китай» [3, с. 59].

Доля Китая в экспорте стран Восточной Азии постоянно растет, и, следовательно, повышается значение китайского юаня в валютной системе региона. Таким образом, полагают аналитики, в скором времени в «валютной корзине», к которой будут привязаны курсы валют стран Восточной Азии, китайский юань сможет занять лидирующее положение, которое сейчас занимает японская иена.

Как бы то ни было, но Китай все последние годы целенаправленно шел к созданию мощного валютно-финансового потенциала, увеличивая валютные запасы, которые сейчас составляют более 2 трлн долл. (без учета Гонконга). Была введена конвертируемость юаня по счетам текущих операций. По мнению экспертов, из-за кризиса в регионе срок полной конвертации юаня лишь несколько отодвинулся.

Использование конвертируемого юаня могло бы стимулироваться наличием у КНР своей «бамбуковой» сети в Азии — китайской диаспоры, фактически контролирующей экономики большинства

стран региона, а также уникальной взаимодополняемостью отдельных элементов «китайского экономического пространства». Существенно, что различные сегменты экономики КНР располагают значительными финансовыми резервами в преддверии надвигающихся трансформаций в регионе. По этому показателю, по данным на первую половину 2010 г., 1-е, 4-е (после Японии и России) и 7-е (после Индии и Южной Кореи) места занимают сегодня континентальный Китай, Тайвань и Гонконг соответственно. Из трех главных рынков наличной валюты в Восточной Азии Сингапур и Гонконг занимают 2-ю и 3-ю (после Токио) позиции (4-ю и 5-ю после Лондона и Нью-Йорка). При этом Токийский рынок — в основном местный, ориентированный на иену, а не центральный рынок Азии. На Гонконгском же рынке наибольшую долю в недолларовых операциях составляют валюты восточноазиатских стран, правда американский доллар используется как ключевая валюта. На Сингапурском рынке 90% составляют недолларовые операции; это крупнейший рынок восточноазиатских валют и объем операций с ними там возрастает. Отметим также, что уже сейчас в пограничной торговле КНР с соседями юань широко используется в качестве региональной валюты (в том числе и на Дальнем Востоке России).

Китайский бизнес обладает значительным производственным потенциалом и опытом управления (Тайвань), развитым маркетингом и сферой обслуживания (Гонконг), обширной сетью коммуникаций (Сингапур), финансовым капиталом, технологиями, ресурсами и рабочей силой (КНР).

Китайские системы связи показали себя более гибкими и конкурентоспособными, чем региональные производственные сети, возглавляемые Японией. Лишь относительно небольшой размер этнических китайских фирм препятствовал завоеванию ими твердых конкурентных позиций в капиталоемких отраслях (автомобилестроении, судостроении, сталелитейной промышленности), однако в информационной промышленности небольшие китайские компании оказываются более эффективными, чем японские и корейские. Основным их преимуществом является быстрое принятие решений [18, p. 190].

Япония ныне, постоянно занятая своими внутренними проблемами, при ее прошлых военных деяниях воспринимается в Восточной Азии с большими оговорками. Несмотря на то что это вторая экономическая держава мира, для китайцев, составляющих костяк финансово-экономической структуры АТР, Япония остается закрытой страной, а ее язык — иностранным для народов региона, в то время как китайский является родным для более чем 30 млн хуацяо, проживающих в ЮВА и других районах мира.

Уязвимость планов по созданию зоны иены в Азии определяется, конечно, и тем, что до сих пор Япония, несмотря на свой статус великой экономической державы, является обществом, подверженным чужой гегемонии. Это проявляется, в частности, в том, что Япония оказалась не способна выдвинуть какую-либо собственную альтернативу европейско-американской концепции АТР, кроме национального и расового превосходства. Ведь даже рецепт японского экономического чуда, которым воспользовались многие страны региона, на деле означает лишь «пристраивание» национальной экономики к экономике США.

Разумеется, в странах Восточной Азии имеются предубеждения и по отношению к Китаю, поскольку существуют опасения, что он, достигнув экономической мощи, начнет проводить агрессивную внешнюю политику. Но в результате азиатского кризиса эти сомнения уступили место другим соображениям: экономическая политика Запада и в особенности порождаемое ею унижение азиатских правительств вполне могли бы содействовать формированию блока азиатских государств под руководством Китая в качестве необходимого ответа на западное давление. Для малых стран Юго-Восточной и Восточной Азии, извлекших горькие уроки из кризиса, существует лишь одна возможность: еще больше раскрыться и тем самым навлечь на себя опасность быть отданными на произвол международным рынкам с их непредсказуемым развитием. Альтернативой этому могло бы стать образование азиатского экономического сообщества, которое функционировало бы не как механизм изолирования, а могло бы лучше, чем в настоящее время, защитить государства-члены от нестабильности на мировых финансовых рынках. Сегодня становится ясно, что Китай начнет скорее реализовывать свой собственный проект интеграции с АСЕАН и другими странами, чем признает японские притязания на лидерство. «Не было ни одной подлинной мировой державы, — считает профессор Пекинского университета Е Цзычен, — которая возвысилась бы, не заняв сначала ведущие позиции в собственном регионе. В превращении Китая в одну из мировых держав также нельзя отойти от этой модели. Китай, являясь самой большой, самой важной страной в Восточной Азии, должен и может постепенно усилить свою роль в делах региона. Кризис 1997 г. показал, что Китай является великой восточноазиатской державой, и ему уже пришло время постепенно играть ведущую роль в делах Восточной Азии» [4, с. 39].

Потенциал КНР, особенно с присоединением Гонконга и Макао, а также тесными экономическими связями с Тайванем, делают ее экономическим гигантом, который не может не оказывать влияние на малые соседние страны. Встревоженные шаткостью

мировой финансовой системы, эти государства крайне заинтересованы в создании соответствующей структуры, достаточно устойчивой перед лицом глобальной финансовой стихии, и в этом случае «Большой Китай» подходит как нельзя лучше. Проблемы этих стран сводятся к следующим: как нигде на планете, в АТР проявляются многоукладность, многообразие этнических, культурных и религиозных различий между странами и народами; неравномерность социально-экономического развития и распределения благ; рост населения со всеми вытекающими из этого негативными последствиями; дефицит источников пресной воды; слабая экономическая база и зависимость от иностранной помощи; географическая изоляция. Многие страны уязвимы перед природными катаклизмами. К примеру, островные государства в южной части Тихого океана опасаются, что в результате глобального потепления и таяния льдов их ждет судьба Атлантиды, поскольку они расположены на островах, всего на 1—2 м возвышающихся над уровнем моря. Каждая из стран региона свои проблемы едва ли может решить самостоятельно. Потребуются налаживание сотрудничества и объединение усилий всего АТР, поэтому, безусловно, координирующая роль Китая будет только возрастать. Вступление КНР в ВТО создает реальные условия для укрепления экономики Юго-Восточной Азии. Динамично развивающиеся страны региона получают значительные возможности для углубления сотрудничества с КНР, снижения зависимости от рынков США и Европейского союза. Таким образом, возникает определенный баланс в мировом хозяйстве с выделением трех мощных интегрированных региональных финансово-экономических центров — Северная Америка, Западная Европа и Восточная Азия.

Многое указывает на то, что Китай, проделав круг социальной трансформации, возвращается на позиции, которые он занимал в регионе до 1840 г., однако представляется, что наблюдаемый ныне процесс изменений в АТР гораздо глубже — это как виток спирали, переход на новый уровень социального развития.

Появление «Большого Китая» (неформального экономического блока, включающего материковые части Китая, Тайваня, Гонконга и Макао, а также связи с зарубежными китайцами) отражает некоторые важные процессы, происходящие в современном мире, прежде всего перемещение от разнообразия этнических государств к единой сетевой, постиндустриальной структуре. Новая экономика выстраивается вокруг глобальных сетей капитала, управления и информации. Речь идет о сетях финансовых, архитектурных/строительных, масс-медиа, наркобизнеса и т.д., формирующих культурную политику и общественное мнение. Эти сети составляют новую морфологию нашего общества, и по мере

их распространения меняются ход и результаты производственных процессов. В этом смысле «Большой Китай» — это сеть сетей. Для организации китайского бизнеса как раз и характерна сетевая, сотовая форма, единство которой в течение многих веков обеспечивается и реализуется не на центрально-политическом, а на (меж)-клановом, культурно-историческом уровне (например, процесс экономического слияния КНР, Гонконга и Тайваня).

И если правы футурологи, которые считают, что одной из главных мегатенденций XXI в. для АТР, Азии и мира в целом является переход в мировой экономике от главенства государств к глобальному главенству этнических обществ, то перспективы «Большого Китая» выглядят многообещающе.

«В век Воздуха, — пророчески писал еще А. Тойнби, — местонахождение центра тяжести человеческой деятельности может быть определено не физической, а человеческой географией: не расположением океанов и морей, степей и пустынь, рек и горных хребтов, дорог и троп, но распределением численности человечества, его энергии, способностей, мастерства и нравов» [9].

Европейцы, создав АТР, облегчили и ускорили перемещение в нем азиатских народов. В силу своей многочисленности китайцы расселились по всему этому региону, начиная с ЮВА и кончая Северной и Южной Америкой. Можно только согласиться с теми учеными, которые, обращая внимание на очевидный переход инициативы к азиатам в структурировании региона, все более оправдывают его название именно как Азиатско-Тихоокеанский [15, p. 77].

Ныне этнические китайцы создают свою глобальную сеть, интересы которой гораздо шире, чем интересы одного только Китая и вообще всей Восточной Азии. Все больше их внимание привлекает западная часть Тихого океана. «Центр влияния» в АТР создается ими в г. Ванкувер (Канада), где этнические китайцы составляют 20% населения. В Австралии китайская община растет значительно быстрее других этнических групп. По данным иммиграционных служб, ежегодно число прибывающих в эту страну на постоянное жительство китайцев возрастает почти в 2 раза.

В новых условиях хуацяо, рассеянные по странам региона, являют собой «ворота в Азию». Их совокупная экономическая мощь огромна, по размерам активов она равнозначна второй экономической державе мира. В области торговли и инвестиций они занимают доминирующие позиции во всех странах Восточной Азии, кроме Кореи и Японии. По мнению же Джона Нэйсбита, Китай, хотя и станет центральной страной в АТР, доминировать в экономике не сможет, это будет делать сеть китайских этнических обществ, интересы и связи которых носят дифференцированный и локально-региональный, а не страновый характер [17, p. 223].

Иными словами, в то время как в мире делаются первые шаги в переходе от этнических государств к сетевой структуре, китайцы уже реально создают в АТР глобальную сеть, цель которой — экономическое преобразование Восточной Азии.

Модернизация Азии (экономическая, политическая и культурная) является сегодня наиболее важным процессом в мире. Китай, особенно «Большой Китай» — центр этих изменений. По общему признанию исследователей, остается лишь вопросом времени, когда КНР станет мировой державой. Однако потенциал «Большого Китая» лежит все же не в военно-политической области, а скорее в экономической и культурной.

Ученые, занимающиеся проблемами региональных процессов, обращая внимание на этнолингвистическую пестроту отдельных регионов (например, Европы или Восточной Азии), нередко задаются вопросом: как и на каких началах будет протекать цивилизационное взаимодействие участников региональных сообществ? При этом ими справедливо отмечается, что самая главная трудность сближения заложена в языках.

В этом случае перспективы китайского языка трудно переоценить. Напомним, что это самый распространенный в мире язык; на всех его диалектах говорит 18,8% земного населения. Для сравнения укажем, что со второй половины XX в. наблюдается уменьшение числа говорящих по-английски с 9,8 до 7,6% земного населения, и, как ожидается, эта тенденция продолжится и в XXI в. [10, с. 183].

Но этим перспективы использования китайского языка не ограничиваются. Дело в том, что в XX в. не только сформировалась глобальная сеть высокоразвитых средств массовой коммуникации, охватившая весь земной шар, но и качественно изменился сам основной состав передаваемой информации. На смену умопостигаемой идее, несомой рукописью или книгой, пришел визуальный образ на экране телевизора или компьютерного монитора. По мнению авторитетного отечественного синолога А. Кобзева, «современность — это эпоха чувственной информации, прежде всего в аудио-визуальнах формах. Синоиероглифическая культура эстетического натурализма, взращенная на нумеролого-ассоциативных операциях с чувственными образами, оказывается как никакая другая приспособленной к эффективному оперированию с информационной продукцией самых современных средств массовой коммуникации» [6, с. 36].

Эксперты полагают, что уже через 10—15 лет по числу пользователей Интернета Китай станет мировым лидером, опередив даже Северную Америку, а китайский язык очень скоро будет одним из самых используемых во Всемирной сети, своего рода «виртуальным языком» Азии. По мнению А.И. Уткина, проекция на будущее вы-

глядит революционно: «В течение ближайшего десятилетия более половины пользователей Интернета сместится в развивающиеся страны и главным используемым языком вместо английского станет китайский» [10, с. 138].

В этом случае роль, которую предстоит сыграть наиболее активным игрокам китайского сообщества, трудно переоценить.

Бурное развитие в Азии информационных технологий позволило существенно сблизить различные центры мировой китайской диаспоры. Становится все более очевидным, что создаваемое в настоящее время китайское «киберпространство» будет охватывать и весь «Большой Китай», и всех этнических китайцев по всему миру [16]. Порталы и веб-сайты этого пространства будут адаптированы к нуждам китайского бизнеса и языково-диалектическим особенностям клиентов. Сингапурская, Тайваньская и Китайская торгово-промышленные палаты уже занимаются совместным созданием всемирной компьютерной сети для обслуживания деловых интересов этнических китайцев всех стран [19, p. 127].

Согласно традиционной схеме, китаец, уже достигший успеха где-нибудь в Силиконовой долине, начинает заниматься венчурным бизнесом одновременно в Китае, Гонконге и Тайване, устанавливая контакты с местной элитой в ходе бесконечных «челночных поездок» [8, с. 45].

В итоге экспансия отрасли в различных частях «китайского мира» как бы синхронизируется, у каждого центра данного бизнеса появляется своя определенная специализация. Кроме того, наблюдается мощный приток из США высококвалифицированных специалистов, в свое время эмигрировавших за рубеж и теперь готовых работать в быстрорастущих информационных компаниях.

Учитывая культурную специфику китайцев и относительно жесткий контроль развития интернет-индустрии со стороны пекинского правительства, можно предположить, что вместо размывания национальной идентичности сеть, напротив, внесет вклад в объединение мировой китайской диаспоры и укрепление ее позиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арин О.* Азиатско-Тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997.

2. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 3. Время мира. М., 1992.

3. *Делягин М.* Глобальная неустойчивость и тоска по апокалипсису // Крах доллара. М., 2000.

4. *Е Цзычен.* Для Китая назрела необходимость проводить великодержавную дипломатическую стратегию. Некоторые мысли о дипломатиче-

ской стратегии Китая // Экспресс-информация ИДВ РАН. 2000. № 11. С. 20—45.

5. *Клейн Л.Р.* Кризис в Азии и мировая экономика // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 4. С. 33—36.

6. *Кобзев А.* Восток и Запад в эпоху информационной революции // Информационные материалы. Сер.: Идейно-теоретические тенденции в современном Китае: национальные традиции и поиски путей модернизма. Вып. 1. II Всероссийская конференция «Китайская философия и современная цивилизация» (Москва, 22—24 мая 1996 г.). М.: ИДВ РАН. 1996. С. 33—37.

7. *Милонов В.С.* Открытие Китая внешнему миру (политика, теория, стратегия). М., 1996.

8. Свободный Китай. Ноябрь—декабрь 1998.

9. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

10. *Уткин А.И.* Мировой порядок XXI века. М., 2002.

11. *Фурсенко А.А.* Доктрина «открытых дверей» в Китае // Американский экспансионизм. М., 1985.

12. *Фурсов А.И.* Макрорегионы на спиралях истории // Афро-Азиатский мир: региональные исторические системы и капитализм: проблемно-тематический сборник. М., 1999.

13. *Фэй Сяотун.* Путешествие по дельте реки Янцзы // Ляован. 1990. № 34. С. 12—17.

14. Цивилизации. Вып. 5 / Под ред. А.О. Чубарьяна. М.: Наука, 2002.

15. *Dirlik A.* The Asia-Pacific Idea: Reality and Representation in the Invention of a Regional Structure // Journal of World History. 1992. Vol. 3. № 1. P. 55—79.

16. International Institute for Asian Studies (IIAS). Newsletter. Spring 2009. № 50.

17. *Naisbitt J.* Global Paradox. N.Y., 1994.

18. *Peng D.* The Changing Nature of East Asia as an Economic Region // Pacific Affairs. 2000. № 2. P. 171—191.

19. *White L.* Globalization and Taiwan // Asian Perspective. 1999. Vol. 23. № 4. P. 97—142.